

РЕЦЕНЗИИ

Wurdboek fan de Fryske taal. Diel 1: a — behekest. Ljouwert — Leeuwarden: Fryske Akademy en de Tilla, 1984. LXVIII + 332 p.

Создание многотомного словаря родного языка — всегда крупное событие в жизни народа, свидетельство зрелости его культуры и науки. Особенно это справедливо для такого немногочисленного германского народа, как фризы, составляющие основное население провинции Фрисландии в Нидерландах и двух небольших анклавов на территории ФРГ. До сих пор самым большим словарем фризского языка был выпущенный еще в начале столетия и переизданный в 1971 г. фотоспособом двухтомный «Фризский словарь» Валинга Дикстры [1]. На его подготовку ушло несколько десятилетий, но почти сразу же после появления он подвергся суровой критике за недостаточную полноту словника, слабость отражения полисемии и сочетаемости слов, бедность фразеологии и т. д.

Для подготовки нового, отвечающего современным научным критериям и требованиям практики словаря современного фризского языка длительное время не было необходимых условий. Только после создания Фризской Академии (1938 г.) стало возможным составление лексической картотеки и планомерное расписывание на карточки текстов фризских книг и периодических изданий; производилась выборка лексики из фольклорных и диалектологических записей, проводились специальные полевые исследования. К сожалению, Академия была стеснена в средствах и могла выделить для этой работы только одного сотрудника. Им был известный фризский ученый, писатель, фольклорист И. Портинга. Значительную часть работы по ведению картотеки и обработке ее данных для будущего словаря выполняло большое количество энтузиастов-любителей — учеников школ, студентов, учителей, представителей других профессий. Нельзя не отметить, что эта большая заинтересованность и непосредственное активное участие в словарной работе до сих пор является характерным для фризской общественности. В результате совместного самоотверженного труда уже в 40-х годах удалось издать

«Малый фризский словарь [2] П. Спимы и И. Портинги.

К началу 50-х гг. объем картотеки сильно возрос, увеличился и опыт фризских лексикографов. Возникла, таким образом, реальная возможность подготовить более обширный словарь. Для Фрисландии, население которой полностью двуязычно, всегда требовались прежде всего двуязычные словари. Естественно, что и на этот раз был создан словарь такого же типа — «Фризский словарь» Х. Бувальды, Г. Меербурга и И. Портинги, выпущенный в двух частях — нидерландско-фризской (1952) и фризско-нидерландской (1956), позже переизданных в одном томе [3]. Он оказался более удачным, и в течение более 30 лет им успешно пользовались.

В связи с возрастающими требованиями к уровню фризской лексикографии обнаружилось, что в ведении академической картотеки есть ряд существенных недостатков, создающих дополнительные трудности в деле словарной обработки ее материалов. Они касались прежде всего способов извлечения лексических единиц, раскрытия их смысловой структуры, регистрации служебных слов и устойчивых словосочетаний и др. Отсутствовал достаточно принципиальный подход и к выбору источников для расписывания в картотеке. Продолжать дальше эту картотеку на базе уже других, измененных и основанных на других принципах подходов не имело смысла. Решением Фризской Академии (1955 г.) создается вторая словарная картотека. Уже через три года на базе накопленного материала началась непосредственная практическая подготовка к составлению нового большого словаря фризского языка: разработана его предварительная структурная схема, составлена тщательно продуманная инструкция для составителей и редакторов. Из числа будущих основных руководителей проекта Х. Бувальда и И. Портинга прошли специальную стажировку при главной редакции «Словаря нидерландского языка» («Woordenboek der Nederlandsche taal»

В процессе работы над словарем опять возникли трудности: в 1976 г. было утверждено новое фризское правописание, которое должно было войти в силу с января 1980 г. Пришлось перестраивать всю картотеку и переформировывать уже подготовленную часть словаря.

В вопросе о его профиле редакции предстояло выбрать один из двух возможных типов — толковый одноязычный словарь или двуязычный. Предпочтение отдали второму типу, но при этом в него были внесены некоторые черты толкового словаря, например, раскрытие значения исходного слова с помощью развернутых дефиниций, иллюстрирование употребления цитатами из литературных источников и др. Такое объединение в одном словаре столь различных функций усложняло задачи составителей, но лучше отвечало условиям конкретной языковой ситуации Фрисландии и расширяло круг будущих потребителей.

В моменту начала работ над словарем в обеих академических картотеках накопилось около двух миллионов карточек, причем их пополнение все время продолжалось. Охват фризской лексики данным словарем ограничили периодом с 1800 г. по 1975 г. Первая дата соответствовала началу периода новофризского языка, вторая — установлена произвольно, чтобы облегчить задачу будущим лексикографам, которым придется продолжать этот академический словарь. Весь он должен состоять из 17-ти или 18-ти томов («частей»), которые будут выходить в свет в течение двадцати лет.

В 1984 г. опубликован первый том («часть») академического «Словаря фризского языка» (далее — СФЯ), охватывающий лексику от *a* до *behekt*. Во вступительной статье не указано точное количество помещенных в этом томе словарных статей, но по приблизительным подсчетам их должно быть около трех с половиной тысяч. Таким образом, весь СФЯ должен вместить не менее 500—600 тыс. слов, что намного превышает объем даже такого прославленного лексикографического труда, как американский толковый словарь английского языка Вебстер-Мерриам. При этом составители СФЯ ставят задачу отразить лексику в основном литературного («стандартного») фризского языка нового времени, оставляя в стороне узкопрофессиональную, просторечную и диалектную лексику. Учитывая все это, нельзя не признать, что предпринимаемым изданием Фризская Академия убедительно опровергает предвзятое мнение о «бедности» и «примитивности» фризского языка, до сих пор представляемого некоторыми авторами как преимущественно *lingua rustica*.

В списке литературных источников

первого тома СФЯ приведено около 1 300 наименований из всех функциональных стилей современного языка, в том числе представлены произведения всех виднейших фризских писателей XIX—XX вв. Наряду с оригинальными, среди источников фигурируют и переводные сочинения, например, переводы на фризский язык произведений Шекспира (Д. Кальма), Оскара Уайльда (И. Сикнема), Андерсена (Д. Тамминга), Библии и др. (Вызывают некоторое недоумение упомянутые в списке источников современного фризского словаря труды Т. Зибса, опубликованные на немецком языке, или словарь готского языка Э. Файста.)

Разработка словарных статей СФЯ соответствует самым современным требованиям лексикографии. О заглавном слове статьи — лемме сообщаются следующие виды информации: 1) принадлежность к части речи; 2) сфера употребления; 3) происхождение, данное в транскрипции МФА, с приведением фонетических вариантов; 4) год первой письменной фиксации в отражаемом периоде; 5) склонение, спряжение или образование степеней сравнения; 6) лексические варианты; 7) диалектные формы; 8) этимология; 9) литературные источники; 10) значение леммы (на нидерландском языке); 11) устойчивые словосочетания и фразеологизмы, в состав которых входит данное слово; 12) пословицы с данным словом; 13) производные от этого корня; 14) сложные слова, одним из компонентов которых является данная основа. Очень подробная, четкая и экономичная система сокращенных обозначений и условных символов облегчает пользование словарем и, экономя место, обеспечивает достаточную информативность статьи. Например, статья *achtber* «уважаемый» имеет следующий вид:

'achtber, adj., 1853.—Lit.—W. J. BUMA, *Wurk* 6 [1969].

Achtbaar; *geacht*, *achtenswaardig*.

|| *Er. W.* [1900]. *Er. W.* [1956].

→ In *Domeny of oar achtber mon.* T. G. v. d. MEULEN, *dagen* 7 [1853]. *Men hearde dingen fen him dy't for in achtber man net to pas kamen.* *Er. W.* [1900]. *Achtbere länsljue (als aanspraak).* S. STAR, *foadrachten* 4 [1923].

— *Comp.*: *ealachtber*.

Объединение в одном словаре нормативной и описательной функций проявляется в том, что заглавные слова статей приводятся в форме, соответствующей западнофризскому литературному стандарту, фонетическое и лексическое варьирование слов показаны на фоне основного образца, считающего себя нормативным, тогда как в иллюстративной части отражается реальное употребление этого слова с учетом и социальных, и территориаль-

ных отклонений от кодифицированной формы.

Грамматическая характеристика фризских заглавных слов состоит в экономных, но достаточно четких указаниях относительно их принадлежности к части речи, употреблении в артиклимы, грамматической и словообразовательной парадигм. Особенно разнообразна система стилистических помет, выделяющих следующие рубрики: эвфемизмы, окказионализмы, фамильярное, переносное употребление, юмористическое значение, ироническое, литературное, метафорическое, метонимическое, презрительное, отрицательное и др. Условными символами (исполненными в виде уменьшенного, по четкому изображению предмета или существа, представляющего данную область общения) чаще всего обозначаются слова профессионального общения — термины строительные, рыболовные, орнитологические, антомологические, зоологические, ботанические, мореходные, технические, музыкальные, медицинские, исторические.

Значение фризского заглавного слова статьи раскрывается с помощью одного или нескольких нидерландских эквивалентов, например, фриз. *bagge 1* — нид. *ring*. Во многих случаях за этим чисто переводным установлением семантического соответствия следуют энциклопедические дефиниции отдельных созначений (лексико-семантических вариантов). Например, фриз. *baggelje, baggerje* сначала получает нидерландский эквивалент *baggeren* «производить землечерпательные работы; чистить дно», а затем идут нидерландские развернутые дефиниции созначений: 1. *laagveengronden exploiteren tot het maken van harde turf* «эксплуатировать торфяники, вынимая твердый торф»; 2. *slijk uit vaarten enz. ophalen om deze te schonen of uit te diepen* «вычерпывать ил со дна канала для его углубления и улучшения условий судоходства на нем» и т. д. Каждое такое объяснение сопровождается иллюстрациями из литературных источников или предыдущих словарей. Все это дает вполне четкое представление о смысловой структуре и употребительности данного фризского слова. Однако название некоторых явных фризских реалий приведено без такого описания, только с нидерландским переводом, например, *bêdste(e)* «место для сна, отгороженное от остального помещения специальной перегородкой» — нид. *bedstee*. Чаще всего с нидерландским переводом даны прямые значения фризской леммы, тогда как переносные обычно описываются развернуто, например, фриз. *bea* — нид. *beer* «медведь», но в третьем созначении дается дефиниция: *lomp gebouwd, onbeschoft, sterk persoon* «сильный, грубый, неуклюжий человек».

Если сравнить академический СФЯ с предыдущими фризскими словарями, особенно заметно, насколько лучше и полнее раскрыта в нем смысловая структура фризских слов. Например, фриз. *bea* в словаре В. Дикстры дана с одним единственным значением — лат. *arbor*, нид. *boom*, а в СФЯ оно приводится с пятью различными созначениями. Особенно подробно разработаны статьи: *aai, al, âld, appel, baan, baar, baarch, baarne, baas, balke, bân, begjinne*. Сложные слова, в которых основа леммы используется в функции определяемого (правого) компонента, приводятся списком в конце данной статьи и затем каждое из них рассматривается еще и особо, в месте, обусловленном алфавитным расположением словника. Те сложные слова, в которых эта же основа выступает в позиции определяющего (левого) компонента, получают свое толкование либо как заглавные слова отдельных статей, либо как члены словообразовательного гнезда в общей для него статье.

Этимологические данные о фризских словах довольно скупы, обычно они только указывают на тот язык, из которого пришло данное слово в фризский, не приводя этимона, например: *adekwaat* ... Етym.: Lat.; *advokaat*... Етym.: Lat. Если рассматриваемое слово является исконно фризским, то его более древние формы не указываются, только приводятся соответствия в других германских языках, например: *bea*... Етym. — N. *boom*, D. *Baum*, E. *beam*; *bealch*... Етym. — N. *balg*, D. *Balg*, E. *belly*. Только при архаизмах и историзмах можно найти помету Ofri. (древнефризский язык), например в статье *asega* «асага (древнефризский блюститель законов)». Но древнефризская форма слова все же не приводится, тогда как самая старая фиксация помечена 1920 г., что может вызвать недоразумения.

В цитатах из литературных источников контекст зачастую не содержит указаний на значение леммы, а нередко слова приводятся из них в изолированном виде [см. статьи *âldwiif* (значения 6, 9), *akút, akwadukt* и др.].

Полиграфический первый том («часть») СФЯ выполнен безупречно: четкие и разнообразные шрифты, удобное расположение текста на странице, плотная бумага, красивый переплет.

В заключение следует отметить, что фризскому коллективу лексикографов удалось создать доброкачественный, насыщенный научной информацией, вполне надежный и долговечный труд, необходимый каждому германисту. Остается лишь пожелать авторам столь же успешного его продолжения и скорейшего завершения.

Жлуктенко Ю. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Friesch Woordenboek (Lexicon friscum) / Bewerkt door Dijkstra W. I—II. Amsterdam, 1971.

2. *Sipma P., Poortinga Y.* Lyts Frysk wurdboek. Boalsert, 1944.

3. Frysk Wurdboek / Gearsteld troch Buwalda H. S., Meerburg G., en Poortinga Y. Boalsert, 1971.

Гринева Е. Ф., Громова Т. Н. Словарь разговорной лексики французского языка (На материале современной художественной литературы и прессы). М.: Русский язык, 1987. 638 с.

Книга Е. Ф. Гринева и Т. Н. Громо- вой — заметное событие в советской фран- цузско-русской лексикографии. Это ори- гинальный тип словаря, в котором пред- ставлена лексика «сниженных» регистров: разговорный язык, просторечие, отчасти арго. Он включает в себя такие слова, которые часто употребляются в современ- ной устной речи, изобилуют в художест- венных произведениях, встречаются в га- зетах, журналах, звучат по радио и с эк- ранов телевизоров. Этот пласт лексики занял столь значительное место в совре- менном языке, что незнание соответствую- щих слов затрудняет живое общение, препятствует акту коммуникации, мешает правильной восприимчивости литературных и публицистических текстов.

Возросшая употребительность «снижен- ной» лексики — часть тех значительных изменений, которые произошли во фран- цузском языке в XX в., особенно в по- следние 30 лет. Французские лексикогра- фы считают, что за период с 1949 по 1960 гг. основной словарь французского языка обновился на 25%. Но не меньше, а несомненно более крупные перемены наблюдаются в нем в 60-е—80-е годы, в период серьезных глубинных сдвигов в жизни французского общества, заметно повлиявших на жизненный уклад, быт и нравы французов, что не могло не отло- житься в языке. Не случайно во Франции все чаще стали говорить даже о «языко- вой революции», происшедшей в послед- ние десятилетия.

Изменения коснулись не только сло- вара, но и синтаксиса и морфологии, а особенно заметно они проявились в сфе- ре речевого узуса, где фактически стали стираться грани между языком повсед- невым и литературным. По верному замечанию Н. А. Шигаревской, «наблю- дается высокая интенсивность влияния на разговорную речь просторечия и, в свою очередь, — разговорной речи на книжную» [1]. В речевую практику ворвались слова, выражения, обороты из фамильно-бытовой лексики, из раз- личных социодialectов, вплоть до воров- ского арго. Стали восприниматься как вполне допустимые для художественных произведений и для речи культурного человека такие речевые единицы, которые прежде были бы немыслимы в литератур-

ном языке. Резкое смещение представле- ний о нормативности, фактическое размы- вание ее прежних границ связано с за- метной тенденцией нарастания конно- тативности французской литературной речи, с усилением ее экспрессивности и эмоциональной окрашенности.

Причины, породившие это явление, относятся скорее к сфере социальной пси- хологии и даже социальной философии, чем к лингвистике, и, по сути дела, по- настоящему еще не изучены. Но как бы то ни было, одна из них бросается в гла- за. Речь идет о болезненной, обостренной реакции людей на реакто усилившуюся дегуманизацию межличностных и со- циальных отношений — порождение тех- ноκραтической, функционально-рациона- листической цивилизации. Эта реакция выплескивается, например, в художест- венной литературе потоком книг остро эмоциональных, взволнованных, отстаи- вающих пограничные человеческие ценно- сти. Их создатели апеллируют не к рас- судку, а к сердцу и чувствам, что опреде- ляет соответствующий выбор формы из- ложения и языкового материала: устные монологи, живые диалоги, «внеприсан- ная», как бы без обработки, «прямо с ули- цы» внесенная в текст речь персонажей (а нередко такой является и речь самого автора) с сохранением слов и выражений фамильно-бытовой и разговорной лек- сики. Происходит своеобразная «дефор- мализация» чисто литературных книж- ных приемов. Литература как бы сходит с «подмостков», стирает грим: перед нами сама жизнь в ее чувственно-осознаваемой непосредственности.

Есть, конечно, и книги, усложненно написанные, рассчитанные исключительно на высокообразованную элиту, ли- шенные «сниженной» лексики. Но все же преобладает литература, адресованная широкому кругу читателей. В ней раз- говорно-бытовая речь становится органи- ческой частью художественной системы. Слова и выражения устного повседневного общения на равных присутствуют в произведениях с письменной, книжной речью, обогащая друг друга, что свиде- тельствует о некоторых новых законо- мерностях художественно-эстетического функционирования литературного языка.